

TREFFPUNKT МЕСТО ВСТРЕЧИ
DIALOG: ДИАЛОГ

Международное
общественное
объединение
«ВЗАИМОПОНИМАНИЕ»

О ТОМ, КАК ВЫЖИЛИ...

Воспоминания малолетних узников
фашистских лагерей смерти

Я был № 13451
Лай эсесовских собак
Нас почти не кормили
Костер из человеческих тел

Прошло 70 лет, как закончилась война, но невозможно забыть все тяготы и горести испытаний, выпавшие на долю не только взрослых, но и детей войны. И мы, студенты Университета третьего возраста, не могли не отдать дань уважения малолетним узникам, чье горькое детство прошло в фашистских застенках.

Более 40 бывших узников концлагерей окружены заботой и вниманием волонтеров и слушателей проекта «Университет третьего возраста: новые шансы для социального включения». Итогом встреч с очевидцами военных событий стало издание буклета **«0 том, как выжили... Воспоминания малолетних узников фашистских лагерей смерти»**, в основу которого легли 30 свидетельств тех, кто ребенком испытал на себе весь ужас нацизма.

Ценность издания не только в том, что воспоминания малолетних узников являются документальным свидетельством преступлений фашистского режима. Эти воспоминания – свидетельства поразительной силы духа человека.

ВИТКОВСКИЙ ВИКТОР АФАНАСЬЕВИЧ

22.08.1937

Д. СВИРЯКИ, ДУБРОВЕНСКИЙ Р-Н, ВИТЕБСКАЯ ОБЛ.

Родился я в большой семье, нас было четверо детей и с нами еще жила бабушка. Отец работал охранником. И хотя мне было немного лет, войну я запомнил. Через нашу деревню с Запада гнали скот, с ним вместе шли и беженцы. Когда на переправе началась бомбежка, вода в Днепре стала красной...

К нам в деревню немцы приехали на мотоциклах. Всех собрали, а остались в деревне одни старики, женщины да дети, выбрали старосту, разделили землю и сказали работать. Основные немецкие части расположились в райцентре Дубровно.

Осенью 1943 г. жителей нашей деревни под конвоем жандармов выселили в г. Оршу, а там погрузили в вагоны и отправили кого в Германию, кого в Литву или Польшу. Везли нас долго, по дороге не кормили, только на остановках разрешали набирать воду, которой заправляли паровоз. Вместе с семьей я оказался в концентрационном лагере в районе города Дрездена. Взрослые ежедневно с утра до позднего вечера работали на фабрике, сбивали ящики для патронов и делали деревянные мины. Малолетние дети, голодные и холодные, находились в лагере. Кормили пюре из бураков и турнепса, иногда давали подслащенный эрзац-кофе. Старшие дети поочередно чистили котлы и бросали нам очистки.

За малейшее нарушение условий существования были разработаны наказания. За неповиновение взрослых и их детей увозили в спецлагеря, где в основном уничтожали. От меня мать всегда требовала подчинения внутреннему распорядку, иначе – смерть. Немцы организовали детскую школу, где учили немецкому языку и говорить «Хайль Гитлер».

Так и прожили в лагере до освобождения в мае 1945 г. Вернулись на Родину. Когда добрались до деревни, увидели одно пепелище. Из 140 домов нашей деревни не сожженными остались только три. В течение трех лет мы жили в землянке. Потом нас нашла тетя и забрала к себе. Отец вернулся только в 1948 году. Я окончил 7 классов, а за дальнейшее обучение надо было платить 150 рублей. У нас таких денег не было, и я пошел учиться на тракториста. Потом были два года на целине, три года в армии, учеба в институте и работа.

■ Волонтер: *Иванова Людмила Васильевна* ■

Во время войны в поселке была облава на молодежь – поймали человек 300. Из Руденска нас вели под конвоем с собаками, погрузили в товарные вагоны и отправили в Минск. Там прошли комиссию и всех годных отправили в Германию. Привели нас под конвоем с собаками на станцию, погрузили в товарные вагоны, девчат и парней отдельно. Закрыли на завесы и отправили, дав по куску хлеба. Ехали около двух суток. Нужду справляли прямо в вагоне...

Привезли в Польшу, в Граево. Там нас всех выгрузили и привезли в лагерь за колючей проволокой. Накормили какой-то похлебкой. Прошли комиссию, погнали в баню, постригли всех наголо, сфотографировали, сделали отпечатки пальцев и отправили в Германию. Привезли нас всех в город Штутгарт, в концлагерь. Опять колючая проволока, охрана, собаки. Так продолжалось три месяца.

А потом Штутгарт начали бомбить. Это было ночью, света нет, на нарах по 3-4 человека. Нары двойные, паника в лагере, на улицу никого не выпускали, пока не кончилась тревога. Под утро нас всех построили голодных, холодных, оборванных и отправили в г. Штральзунд. Привели в большой двор огороженный, и там мы сидели на земле голодные, замученные. Опять нас построили в шеренгу и начали отбирать как скот. Меня и еще восемь человек направили к богатому помещику, у которого было много земли. Там уже работали поляки, югославы, русские.

Нас поселили в казарму, где было очень холодно. В комнате восемь коек, соломенные матрасы, соломенные подушки и два байковых одеяла. Работали мы на полевых работах: сено убирали, пшеницу, рожь, свеклу сахарную. После работ в поле по 10-12 часов выполняли работу по дому, которая продолжалась до полуночи. Жена хозяина часто отправляла нас на рытье окопов вместо своих детей. С немцами общались через переводчика Шульца. Кормили нас очень плохо. На неделю на восьмь-рых – булка хлеба и пачка маргарина. Днем похлебка из брюквы.

Позже меня и других оstarбайтеров под конвоем забрали в лагерь г. Фридберг. Поселили нас в конюшне, спали на соломе, работали с утра до поздней ночи на рытье окопов. Кроме похлебки еды никакой не получали. Так продолжалось до нашего освобождения войсками 2-го Белорусского фронта.

Советские солдаты дали нам консервы, повозку и лошадей. Путь домой был долгим, голодным, с ночевками, где попало. 20 февраля 1945 г. я была уже в Союзе.

■ Волонтер: Путинцева Ольга Николаевна ■

КУЗЬМИНА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА

6

15.04.1937

Д. СТАРЫЙ ДВОР, ОКТЯБРЬСКИЙ Р-Н, ГОМЕЛЬСКАЯ ОБЛ.

Отец сразу был мобилизован на фронт. Старший брат Алексей помогал взрослым угонять скот в Воронежскую область и не вернулся. Мать осталась с детьми одна. Помощи ни от кого не жди. Бедствовали, голодали...

Помню, в сентябре 1943-го (мне шел седьмой год), собрала нас мама всех вместе и сказала что надо в лес бежать. Догнал нас соседский парень Коля. Запыхавшись, сказал, что скорей надо уходить – на всех сбегавших немцы облаву устроили. Быстро, насколько это возможно, мы пробирались в самую гущу леса. Мой лапоть зацепился за корягу, и я упала. Мама подняла меня, чтобы завязать онучей лапоть, тут нас и нагнал немец. Нас отвели в соседнюю деревню, были и другие пойманные. Всех загнали в пустой дом, на полу лежала солома. Немцы ушли, оставив охранника.

Моим сестрам и брату удалось убежать. Маме чудом удалось убедить охранника, что если он отпустит ее в лес, то с ней вернуться все убежавшие дети. Ранним утром мама в сопровождении двух немцев и собаки отправилась в лес. В какой-то момент на пути показалась огромная купина, окруженная водой. Отчаянная мать кинулась на нее, получилось зацепиться за корневище... Мысли закрадывались самые страшные: «Найдут – убьют, или собака растерзает». Но собака потеряла в воде след, а немцы побоялись идти дальше по зыбкой почве.

Мама вспоминала, как пролежав несколько часов, мокрая и продрогшая заставила себя подняться и искать островки, по которым мы пробирались в глубь леса. Первых кого нашла – соседи, а они уже подсказали, где прячутся мои сестры и брат. У мамы было намерение вернуться в деревню с грудной сестренкой ко мне, но ее отговорили. Сказали, что немцы не простят побег, и она погубит двух детей, или будут пытаться, т.к. знает, где прячутся остальные.

Утром, проснувшись в сарае и не увидев рядом мать, я плакала навзрыд. Вскоре нас всех погрузили в грузовые машины и повезли в неизвестном направлении. Потом гнали словно стадо. Людей было очень много. Голодные и обессиленные мы еле брели. Если кто-то нес ребенка на руках и, от усталости, сажал его на обочине, то немец расстреливал дитя на глазах у всех. Так нас пригнали в Озаричи. Не помню, сколько пробыли там. Вначале у детей брали кровь. Потом начал свирепствовать тиф и к нам боялись подступать. Трупы складывали штабелями.

Мать с детьми примкнули к партизанам. Люди говорили: «Выживет твоя Таня, люди не дадут пропасть!» И я выжила.

■ Волонтер: Калиновская Татьяна Петровна ■

Война не сразу показала свой звериный оскал. Вначале в деревне было тревожно, но внешне спокойно – немцы только просили яйца, молоко. Но в 1944 г., когда стал приближаться фронт и уже были слышны звуки далекой канонады, захватчики, чуя расплату, озверели... Каждую ночь сжигали по одному дому в деревне, чтобы освещать окрестности.

Начались облавы. Отца схватили и увезли – его судьба не известна. Жителей деревни, вместе с нашей семьей, согнали в концлагерь Озаричи. Держали всех в огражденном колючей проволокой поле под открытым небом. По периметру находилась усиленная немецкая охрана с овчарками.

Было очень холодно, еще лежал снег. Днем под лучами солнца он таял, и приходилось стоять по щиколотку в ледяной воде. Сначала спасались сухарями, которые мать сушила всю войну, потом питались хлебом, который охранники один раз в день бросали в голодную толпу. Одна буханка на всех. Этот хлеб делили на всех по маленькому кусочку. Сразу не съедали, а держали за щекой, чтобы не так чувствовался голод. Каждый день пребывания за колючей проволокой для узника мог стать последним. И так в течение четырех недель – на холоде, без еды, питья, сна. Жизнь превращалась в ад.

В Озаричах были бараки, где людей специально заражали тифом – проводили медицинские опыты. Перед отступлением зараженных людей тоже выгнали из бараков ко всем остальным в поле. Началась эпидемия. Я с сестрой тоже заразилась тифом, но нам повезло: в советском госпитале выходили, поставили на ноги.

Когда пришли освободители, люди бросались на проволоку, чтобы быстрее выбраться, и погибали – взрывались – вокруг лагеря все было заминировано. Подорвалась и моя старшая сестра с сыном. По узкой разминированной дорожке, оставшиеся в живых узники выходили из лагеря один за другим.

Отступая, фашисты сжигали дома. Не уцелела и наша хата. Приют нашли у дальней родственницы, у которой было трое детей. В военное время чужого горя не было. Позже заново отстроили сгоревший дом. Жизнь стала налаживаться.

■ **Волонтер:** *Гирна Валентина Ивановна, Гаибова Серафима Ченгизовна* ■

ЖГУН ГРИГОРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

1941

8

Родился Григорий Владимирович перед началом войны. Был третьим ребенком в семье. Отец был уже призван в армию. Мать осталась одна с малолетними детьми. Как только фашисты заняли деревню, пришли карательные отряды, согнали оставшихся жителей в церковь, затем затолкали в железнодорожные вагоны-телятники и повезли в сторону Каунаса, Кенигсберга.

Привезли в концлагерь в г. Алитус (Литва). Позже отправили к литовцам работать на хозяйстве. Мать с утра до ночи трудилась, а дети находились одни. У хозяев тоже были дети, старшие. Григорий Владимирович был очень маленький, чтобы помнить, как им жилось в Алитусе. Но один эпизод помнит хорошо: он плачет и, чтобы успокоить ребенка, сын хозяев черпает из колодца ведро воды и обливает малыша.

В августе 1944 г. советские войска освободили Литву от фашистов. Домой добирались на попутных военных машинах. Родная деревня была сожжена немцами. Идти было некуда, помощи ждать тоже. Мама вместе со старшим сыном, тому был восьмой год, выкопала землянку, сложила печку. Развелось много крыс. В мирное время это было бы бедствием, а в тот момент крыс ловили и кидали в горящую печку – получалось жаркое. В середине зимы из д. Пустошки приехала тетя (сестра отца), у нее дом остался цел. Забрала золовку с детьми к себе. Там братья один за другим пошли в школу.

■ **Волонтер:** *Голубь Лариса Алексеевна, Кананкова Серафима Павловна* ■

До войны наша семья – отец, мать и четверо детей – жили в г. Минске в однокомнатной квартире частного дома. В мае 1941 г. я окончил 6 классов. Война началась неожиданно. От ежедневных бомбежек мы прятались в земляном погребе. Запомнилась последняя ночь свободы. В городе шла стрельба, мы легли на пол и так пролежали до утра. Утром решили спрятать вещи в канализационный колодец на случай, если дом загорится. Когда мы это делали, к нам подошел немецкий солдат и сказал, что война закончилась и бомбить больше не будут. Так мы узнали, что в городе уже немцы.

Через месяц мы переехали в другой дом. Раньше здесь жили евреи, но их забрали в гетто. Нашу школу заняли немцы. Отец устроил меня учеником сапожника. Жизнь была суровая. Ели в основном картошку. Однажды я увидел недалеко от дома павшую лошадь. Мы с соседскими ребятами взяли топоры и пошли рубить мясо. Каждый день я ходил на работу в сапожную мастерскую и однажды на обочине увидел мертвого мужчину. Через пару дней его полностью раздели и он голый лежал у дороги всю зиму. Люди проходили мимо...

Однажды около нашего дома раздались выстрелы. Там жили наши соседи, их сын Павел Луцкий до войны учился со мной в одной школе. Я выглянул в окно и увидел, как старший брат Павла, Иван, выбежал и скрылся за соседним домом. Его рубашка на спине была в крови. Иван Луцкий был партизанским связным и его кто-то выдал. Полицейские пришли его арестовать, но он выскочил в окно. По нему стреляли и ранили. Пока полицейские гнались за Иваном, остальные члены семьи, отец, мать, брат и сестра убежали. Фашисты долго искали Ивана, заходили и в наш дом, но ничего не нашли.

Мой отец входил в подпольную организацию, созданную на пивном заводе «Беларусь». Она состояла из 10 человек. Они добывали для партизан оружие, продукты, вели агитационную работу среди населения. В ноябре 1942 г. пивной завод окружили гестаповцы, вывели людей, погрузили в закрытую машину и увезли в концлагерь. Вскоре арестовали и меня, отправили в лагерь при ремонтных мастерских «Люфтваффе». В лагере был барак для славян, куда поместили нас, и барак для евреев, специалистов по радио и часовым механизмам. Нас использовали в качестве грузчиков, на уборке территории и мойке аппаратов в цехе.

Освободили нас англичане. В сентябре 1945 г. я был дома. Через месяц к нам постучался старик и попросил хлеба. Мама ему вынесла и тогда он сказал: «Я твой муж и отец твоих детей». Оказалось, что из минской тюрьмы папу сначала отправили в концлагерь Освенцим, а потом в Бухенвальд.

■ **Волонтер:** Бельграй Валентина Васильевна, Волкова Любовь Андреевна ■

ПРОТАСЕНЯ ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА

20.05.1926

Д. НОВОСЕЛКИ, УЗДЕНСКИЙ Р-Н, МИНСКАЯ ОБЛ.

10

На начало войны окончила 6 классов. Отец, партийный работник, в 1942 г. ушел в партизаны. Всю семью расстреляли, а я была схвачена со двора немцами и доставлена в Минск. Здесь нас погрузили в товарные вагоны и отправили в немецкий лагерь, не помню название. Ехали долго, не все дети и взрослые выдержали тяготы дороги – по пути многие умирали и на моих глазах мертвых выбрасывали из вагона. Кормили один раз в день супом из брюквы. Оправлялись прямо в вагоне.

В лагере пробыла полгода. Брали кровь. Потом нас отбирали на работу к хозяевам. Я попала в усадьбу Грувель. Доила коров, чистила сараи, заготавливала сено, полола огороды. Без выходных работали по 12-14 часов. Хозяйка относилась снисходительно, не наказывала, но поблажек не давала. Даже при нарыве пальцев на руках заставляла работать. В усадьбе пробыла два года. Освобождали русские солдаты – собрали всех работников и объявили, что нас будут отправлять по домам. Солдаты конфисковали скот, его мы гнали до самого Бреста. По дороге выпасали, доили и этим питались.

В Бресте медработники осмотрели всех, девочек проверили на предмет девственности и наличие инфекционных заболеваний. После проверки отправили на собеседование с органами НКВД и направили по месту жительства. Вернулась в деревню, а дома нет – взорвали.

■ Волонтер: Матвеева Ольга Валентиновна ■

МАКОВСКАЯ ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА

Д. КАМЕННОЕ, ДЗЕРЖИНСКИЙ РАЙОН, МИНСКАЯ ОБЛ.

19.08.1944

Мои родители родились в д. Каменное, Дзержинского района. Когда началась война – ушли в партизаны добровольцами. С 1941 г. партизанский отряд находился на оккупированной немцами территории, мать и отец были связными. Мама рассказывала, как они тайно добывали и переправляли продовольствие для партизан. Отца арестовали первым. Кто-то из местных полицейских донес. Каратели увезли отца в Станьково. Там он и погиб. Маму также арестовали по доносу за связь с партизанами – один месяц в Дзержинской тюрьме за это провела.

17 декабря 1943 г. беременную маму вывезли на принудительные работы в Германию в Келленхузен. Работала на хозяйна, два гектара земли приходилось обрабатывать, делать всю черную работу. Затем маму перевели к другому хозяину, а точнее хозяйке-немке. Она содержала небольшую больницу – хоспис. В это время родилась я. Но маму не освободили от работ, она приходила с поля, чтобы сцедить молоко. Я оставалась под присмотром женщин, которые шили и делали работу по дому.

После освобождения мы не сразу вернулись домой. С 26 мая по 18 августа 1945 г. мама находилась в фильтрационном лагере № 209 в г. Барте. Только после тщательной проверки я с мамой вернулась на родину, в Белоруссию, д. Каменное.

Мама стала работать в колхозе. Скитались четыре года по соседям. Мне с малых лет пришлось узнать, что такое труд. Помогала взрослым по весне выкапывать полусгнившую картошку на поле. Голодали, надеть было нечего. До холодов ходили босиком. В школу пошла только в 8 лет – здоровье было слабым, да худющая, как скелет. Закончила семь классов, учеба давалась легко, но возможности продолжать ее не было. Из-за голода пришлось пойти работать. Жили мы в доме покрытом соломой, пола не было, позже переехали в д. Томковичи.

■ **Волонтер:** *Калиновская Татьяна Петровна* ■

ХАЦКЕВИЧ ЕВДОКИЯ ИВАНОВНА

12

18.12.1932

Д. РЖЕВКА, СЛАВГОРОДСКИЙ Р-Н, МОГИЛЕВСКАЯ ОБЛ.

На момент депортации я была школьницей. Молодежь и детей собрали под конвоем и отправили в Могилев, где погрузили в товарные вагоны. Забрали и моего брата, но нас разделили. Сказали, что везут в Германию. Ехали долго под охраной конвоя и собак. В пути кормили хлебом и молоком. Привезли в небольшой город, где был огромный завод по строительству самолетов. Нас безграмотных, деревенских послали в контору. Там поручили работу по перепечатке чертежей. Работали в две смены. Жили в бараке. По пути с работы во 2-ю смену в темноте на поле воровали брюкву – тем и питались. При бомбежке территории русскими самолетами нас спускали в бомбоубежище.

Перед освобождением в момент очередной бомбежки немцы разбежались, а мы остались одни до прихода русских солдат. Солдаты нас собрали и сказали, что отправят на родину. Погрузили в вагоны и доставили в Брест. Детей сразу отправили домой в Ржевку. Здесь я окончила обучение в семилетке и меня отправили на стройку в Могилев.

■ Волонтер: *Матвеева Ольга Валентиновна* ■

Д.ВОРОТЫНЬ, БОБРУЙСКИЙ Р-Н, МОГИЛЕВСКАЯ ОБЛ.

28 июня 1941 г. по деревне проехали первые карательные отряды немцев на мотоциклах. Жители деревни были напуганы. Мы, дети, сидели на лавочке. Помню, что немцы смеялись над нами и бросали в нас куски белого хлеба, а мы поднимали и ели (жили очень бедно, колхозы только начали организовываться). В 1942 г. начали формироваться партизанские отряды. Днем немцы забирали все – коров, овец, яйца, сало. А ночью приходили партизаны и просили что-нибудь съестное. Своим отдавали последнее.

Вскоре в деревне появился комендант с переводчицей. Агитировали молодежь служить у них. Выдали винтовки, обещали красивую жизнь. Некоторые ребята винтовки получили и сразу ушли в партизаны. Тут и начались облавы. Простых жителей мучали. Голод был.

Ранней весной 1943 г. приехала группа немцев и стали забирать взрослых и детей. Мы не понимали, куда и зачем. Забрали и меня с отцом-инвалидом. Согнали всех в гумно, приставили охрану. Три дня нас не кормили, а потом погнали в г.п. Красный Берег, где была тюрьма.

Оттуда в товарном вагоне отправили в Бобруйск. Там кормили хлебом из гречневых отходов, который резал язык и небо. Дальше перевезли как скот в Польшу. Разместили в бараках. Стали приходить немецкие хозяева, чтобы отобрать себе работников. Нас, малолеток, прикрепили к немцу-мастеру. Мы грузили доски, уголь и отвозили за город. Все это разгружали. Труд был тяжелым, особенно впроголодь. В определенные дни нас освобождали от работы и направляли на взятие крови. После нам давали чай с хлебом, намазанным маргарином.

Самым тяжелым было осознание, что разлучен с родителями и живешь на чужбине. Непонятный чужой язык, голод, изнуряющий труд и хлыстик, если вдруг что-то не так сделал или не повиновался приставленному коменданту.

Началась бомбежка Бреслава. Немецкие солдаты конвоировали нас до Мюнхена. Поселили в коровнике и сказали, чтобы готовились к принудительным работам. Здесь я увидела двух монахинь и женщину с грудным ребенком на руках – Любу из нашей деревни. Я бросилась к ней с последней надеждой, что меня приютят, защитят. Но мне не разрешили уйти с ней.

От отчаяния я ранним утром убежала. По дороге встретила немку и жестами объяснила ей кого ищу. Она отвела меня к монашкам, где была и Люба. Через неделю к нам пришел немец, и меня забрали. Потом отправили на работы к другому немцу. По соседству работали русские пленные. Они и сообщили мне, что наши освободители уже на подходе. 8 мая 1945 г. я вместе с другими узниками бежала навстречу шестерым освободителям, сибирякам разведчикам.

25.09.1941

Д. КОЙТОВО, ВИТЕБСКИЙ Р-Н, ВИТЕБСКАЯ ОБЛ.

В 1943 г. летом вся деревня была окружена, часть народа угнали в Витебск, в концлагерь. Часть населения сожгли, расстреляли. В концлагере пробыли до зимы, затем всех в теплушках для скота перевезли в Освенцим. Жили в семейном бараке, бывшей конюшне – отдельно от военнопленных. Матерей гоняли на полевые работы, дети оставались в лагере под присмотром старшей надзирательницы. Кормили баландой.

Лагерь по периметру охраняли солдаты. Надзирателями и охранниками были немцы из проштрафившихся, бывшие зэки. В конце 1943, начале 1944-го детей начали отбирать у матерей. Отправили нас с братом в Потулицу. У тех, кто помладше, брали кровь для армии, старших ребят гоняли на работу. Кормили чуть лучше, чем в Освенциме.

Оттуда переправили в детский концлагерь в Лодзи. Там, в феврале 1945, нас освободили части Жукова. До марта жили в лагере, кормить стали лучше, а потом отправили в Москву. По дороге заболел – глаз воспалился. В Москве брат не смог разбудить и попали в Рязань. Брат сразу в детдом, а я в больницу, затем в санаторий Солотча. Много болезней было у меня. Восемь лет на вытяжке позвоночника... Брат был старше меня на три года, он-то меня и разыскал первый. Так оба оказались в детдоме. Вместе стало лучше.

Самым тяжелым были голод, расставание с матерью, забор крови. Выжить помогли детская неосознанность, наивность – другой жизни тогда не знал еще.

■ **Волонтер:** *Палазник Валентина Трофимовна* ■

ЛУКАШЕВИЧ МАРИЯ АНТОНОВНА
10.02.1929
Д. СРЕДНЯ, ПЛЕЩЕНИЦКИЙ Р-Н

Во время облавы фашисты схватили меня, мою маму и братьев и пешком под конвоем с собаками доставили в Плещеницы в тюрьму. Потом перевезли в Минск, погрузили в вагоны-телятники и сказали, что везут в Германию. Привезли нас в лагерь Штаблак. Все работали на полях по 12-14 часов, взрослые и дети. Кормили похлебкой из брюквы.

В январе 1945г. во время бомбежки охрана лагеря выгнала нас и отправила дальше к Балтийскому морю в другой лагерь, поселили в бараки, работали на полях и рыли окопы. Фронт приближался. В один из дней нас выгнали из бараков, построили во дворе и фашистские надзиратели готовили нас к расстрелу. Русские самолеты начали бомбить, расстреляли немецкие пулеметы и немцев. А мы разбежались и выжили.

Мама, я и братья спрятались в подвале. Там сидели пока не услышали русскую речь и не увидели наших солдат. Те дали нам хлеба и показали куда идти дальше от фронта. Шли по трупам. Попали в немецкую деревню, в которой никого не было кроме коровы. Куда идти не знали. Шли долго. Утром увидели железную дорогу. Залезли в вагон, который подцепили, и мы добрались до станции, откуда поезда отправляли на Брест. В Бресте нас осмотрели, допросили и отправили в Минск. Оттуда пешком до родной деревни. Дом не застали – разрушен был. Голодные, раздетые, но выжившие, начали обустраивать свою новую жизнь.

■ **Волонтер:** *Путинцева Ольга Николаевна* ■

МИНОВА ЛИНА АНТОНОВНА

20.05.1928

Д. ФРАНЦУСКАЯ ГРЕБЛЯ, ПУХОВИЧСКИЙ Р-Н.

16

На начало войны окончила 4 класса, было 10 лет. Отец ушел в партизаны. Я с матерью жила на оккупированной территории. Во время облавы для отправки в Германию в 1943 г. фашисты схватили меня и маму. Мать не хотела ехать в Германию и пыталась убежать. Ее расстреляли, а меня вместе с другими жителями погрузили в товарные вагоны. Конвой, собаки, плач детей и взрослых, долгая поездка на полу в вагоне без еды и воды. Многие не выдержали дороги и умерли.

Привезли нас в лагерь г. Родбер. Осмотрели нас, помыли и поселили в бараках. Выдали штаны, куртки и деревянные сандалии. На работу водили под конвоем, работали на военном заводе по 10-12 часов. Я возила в цехе тяжелые коляски с металлом. Было очень холодно, на кашель жаловаться не разрешалось. Кормили какой-то похлебкой, а поздно вечером снова под конвоем сопроводили в барак на трехъярусные нары. Перед уходом нужно было вымыть цех холодной водой. Вечером поили каким-то чаем.

Когда начались бомбежки города, из цеха нас не выпускали, работали день и ночь. Освободили нас русские солдаты, вся охрана успела разбежаться.

В вагонах, где ехали русские солдаты, поселили нас и привезли в Брест, потом после распросов и осмотра отправили в Минск, потом в Борисов на завод, где работала подсобной рабочей. Учитывая тот факт, что я работала в Германии на военном заводе, меня долго называли изменником родины.

■ **Волонтер:** *Путинцева Ольга Николаевна* ■

В семье нашей из детей были еще мои сестра и брат. В 1939 году умерла мама, отец с нами не жил. Тетки со стороны мамы отдали нас в детдом. За полгода до начала войны приехал отец с мачехой Софьей Васильевной. Папа работал конюхом, а мачеха в бухгалтерии. 3 августа 1943 года в пять утра все семьи на нашей улице арестовали. Нас посадили в тюрьму. Брат туда не попал, т.к. во время ареста пас коров. Много народу было в камере, заходишь – настил. Спали мы с сестрой на взятых с собой бушлатах.

Когда надзиратели открывали, взрослые просили, чтобы их оставили, а детей отпустили. Спустя некоторое время родителей угнали в Германию. Мы остались в тюрьме. А когда выпустили, пришли домой – калитка заколочена и надпись «Не входить!» Стояли, плакали. Соседи сорвали доски и пустили нас домой. До того как нас забрали, в сарае было много дров заготовленных, но ничего не осталось. Соседи все вынесли. Так и жили вдвоем с сестрой два года.

Соседка наша, тетя Лена Ярошевич, работала в Червенском детдоме. Она часто приносила нам в железной банке суп. Летом лебеду и крапиву ели. Огород был посажен, но когда вернулись из тюрьмы, самим сил не хватило картошку выкопать, никто не помог. Потом весной капали и ели сладкую мерзлую картошку.

В городе немцы устроили еврейское гетто. Русским сказали, что они могут любой дом занять, откуда выселили евреев. А когда немцы отступали, евреев загнали в яму и расстреляли. Никого не жалели, ни детей, ни взрослых. Нам слышны были их крики и стоны.

Когда немцы подожгли город, все к лесу побежали. От пуль прятались в воронках. С нами была мамина сестра. У тети корова была, которую я пасла. Помню, самолет низко-низко летел и начал стрелять. Легли мы в ельник и «Отче наш» начали читать. Самолет улетел, но одну корову убил. Ночью в воронке мне часто места не хватало. Одна наверху ночевала. Никто из родственников не заступился. С сестрой мы были близнецами, люди думали, что одну из нас убило, поэтому и ночует одна девочка в воронке.

Что можем идти домой сказал красноармеец со звездочкой. Приехал к вечеру, накормили его, но никуда не пошли, боялись – могут убить. На третий день только вернулись. У нас в доме партизаны были. Когда уходили, рваные валенки оставили, и мы в школу ходили в них. Тряпкой обматываем ноги, и тянется она следом, когда обратно идем.

О победе слышали по радио. Очень отца ждали. Папа письмо написал, что через два дня будет дома. Но пришло письмо из днепропетровской больницы, что умер. Мамоchка, так мы мачеху называли, собралась уезжать. Написала папиным братьям и меня на Урал дядя Федор забрал, а сестра к дяде Сереже в Таджикистан поехала.

■ **Волонтер:** *Полеев Елизавета Давыдовна, Гринь Афанасий Афанасьевич, Иванова Людмила Васильевна* ■

БУРАЧКОВ АНАТОЛИЙ ЛЕОНИДОВИЧ

18

10.10.1927

Д.КУЛЬТУРА, БУДА-КОШЕЛЕВСКИЙ Р-Н, ГОМЕЛЬСКАЯ ОБЛ.

В 1943 г. из деревни забрали всех работоспособных. Стариков и детей согнали в амбар и сожгли. Забирали солдаты вермахта, всех в поезде отвезли в г. Дрезден. Жили в концлагере в бараке, там же за проволокой и работали на заводе: делали детали для оружия и техники. Я нагревал заклепки, а другой рабочий устанавливал их в изделие. С нами рядом жили и работали военнопленные советские солдаты.

Работали все с раннего утра до ночи. В бараке только ночевали. Спали по несколько часов. Кормили нас три раза: до работы, в обед и после работы. Еда была одна и та же – суп из репы, свеклы или брюквы и хлеб с опилками. Кормили, только чтобы работать могли. Надзиратели были все немцы, общение с ними шло через переводчиков. При необходимости нас чуть подлечивали. Было очень тяжело. Жили надеждой окончания войны.

Перед приходом советских войск всех работоспособных на грузовиках вывезли в Чехословакию – копать окопы под Прагой. Там и встретил Победу! И сразу же был зачислен в ряды Советской Армии. Военный билет солдата выдали 9 мая 1945 г.

■ Волонтер: Палазник Валентина Трофимовна, Чиковкина Наталия Николаевна ■

Вначале 1944-го депортирована была вместе с семьей (мама, сестра 17 лет, братья 10 и 11 лет). Молодежь увозили отдельно, родителей с малолетними детьми отправляли в Белосток. Забирали нас солдаты вермахта и полицейские. Везли поездом несколько дней. Были переводчики. Город пребывания не помню.

Жили в бараке, большом общем помещении. Был страх и еще любопытство. Направили на работу в офицерское общежитие, убирала 7 комнат, выполняла мелкие работы. Сестра Лена мыла кастрюли в столовой. Немецкие солдаты приходили в барак, поскольку было много красивых молодых девушек, насиловали как само собой разумеющееся: при всех, не прячась. Смеялись, шутили между собой – отпора никто дать не мог. Помню, лежала в укромном углу под тряпьем, а в другом углу кричали девушки, которых насиловали.

Были русские, белорусы и др., кто знал немецкий, их назначали старшими, были как переводчики, хотя многие уже и сами язык понимали. Кормили один раз в день в 17 часов – баланда и хлеб. Вместе сестрой и другими переболели тифом. Свободного времени не было. Спать ложились очень рано, сразу после еды. Рабочий день начинался в 4 часа. Если могла что-нибудь съестное стащить, когда подносила офицерам – тащила, все время хотелось есть.

Из Беларуси привезена была семья – муж с беременной женой. Им выделили отдельный загороженный закуток, там родился ребенок, была возможность его растить. Младшая сестра Лена была очень красивая, к ней ходил один солдат, носил подарки. Однажды принес целый рулон шелка.

После освобождения в апреле 1945-го были освобождены. Направили в армейский госпиталь Советской армии. Было очень тяжело с ранеными, невыносимо. Ушла домой. Добиралась попутками, пешком, как могла.

По прибытии домой практически всех живших в Германии государство отправило на поселение на Север – на лесоповал. Было тоже очень тяжело, невыносимо. Там прожила несколько лет, потом как-то все разъехались – это был маленький лагерь ГУЛАГ, он стихийно распался. В родные места попала в начале 50-х. Тогда только и собралась вся семья.

■ Волонтер: Палазник Валентина Трофимовна ■

ФОМИЧЕНКО КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ

17.11.1923

20

Война началась, когда мне исполнилось 17 лет. Оказался в фашистском плену во время выполнения задания партизанского отряда. Тогда меня схватили венгерские войска. Посадили в их тюрьму, потом перевели в лагерь, которым руководили наши предатели, а после оказался в гестапо. Оттуда в особом вагоне переправили в Германию. Когда прибыли на Франкфурт-на-Майне началась американская бомбежка, охранники разбежались, а мы смешались с обычными заключенными. Потом в лагерь попал на кирпичный завод, там в бараке жил. Питались плохо – баландой. Весил я тогда наверно 40 кг. Тяжелая работа была на кирпичном заводе.

Освободили нас американцы в марте месяце. Поскольку знал немного языки, был при их войсках и в штабе сборного лагеря. Вел учет. После привезли на родину, прошел все комиссии и в 3-ю ударную армию служить пошел.

■ **Волонтер:** *Гринь Афанасий Афанасьевич* ■

АЗАРЕНКО ТАМАРА АЛЕКСЕЕВНА

20.07.1936

Летом 1943 г. меня вывезли в Германию вместе с матерью и бабушкой. Жили мы там за колючей проволокой в бараках. Из щелей помню дуло сильно. Спали на нарах. Всего одно окно было с той стороны, где дверь. Там было очень много крыс. Утром подъем в четыре часа. Потом аппель (перекличка). Мать и бабушка работали на заводе, делали что-то к самолетам. Они были на работе весь день, а дети под надзором убирали территорию лагеря и помещения. Кормили очень плохо: утром мизерная пайка хлеба с древесными опилками, вечером баланда из гнилой мерзлой брюквы, капустных кочерыжек.

■ Волонтер: *Зубкова Галина Павловна* ■

НОВИЦКАЯ ВАЛЕНТИНА ФЕДОРОВНА

22

29.03.1925

Д. УЛАЗОВИЧИ, ВОЛОЖИНСКИЙ Р-Н, ГРОДНЕНСКАЯ ОБЛ.

В деревню немцы пришли летом 1943 г. Выгнали всех жителей из домов, погрузили в машину и повезли в гумно. Затем всех повезли на станцию Богданово, откуда отправили в вагонах в Германию. Вагоны были полные, воды и еды не давали, ехали без остановок. Из моей деревни было семь человек. В поезде были белорусы, русские, украинцы и австрийцы. Я попала в Либенау, а старший брат в г. Аусиг (40 км от г. Либенау) на военный завод.

По прибытию всех поселили в лагерь, на территории которого был один барак на 50 женщин с двухъярусными кроватями и шкафами. Одежду не выдавали, заставляли пришивать значки «OST». Фабрика была недалеко от лагеря. Рядом с фабрикой в домах с семьями жили чехи, которые работали в лагере столярами.

Распорядок дня в лагере был следующим. Подъем в 5 утра. Все шли в столовую. На завтрак давали кофе или чай и какой-то овощ. На неделю давали 1 кг хлеба из опилок.

Обед был в 13.00, давали суп, который никто не мог есть. Ужин в 17.00, на котором был чай и овощ. Еды не хватало, поэтому если была возможность что-то взять или своровать – воровали.

Рабочий день начинался после завтрака и заканчивался задолго после ужина. Работала на станке. За качеством тщательно следили. По воскресеньям был выходной, ходили гулять по городу или в лес под присмотром. В бараке не было возможности помыться, но один раз в неделю возили в баню за 40 км от лагеря, там не было мыла.

Условия проживания и труда были очень плохие и поэтому многие хотели покончить с собой и пытались лечь под поезд, но были схвачены немцами и наказаны. Последний год была освобождена от работы по состоянию здоровья. Летом 1945 г. нас освободили чехи, забрали в свои семьи, относились хорошо, а через девять дней пришли русские. Всего в Германии была два года.

Обратно ехали на поезде, который должен был привезти в Сибирь на работы. Власть СССР считала людей, которые работали в Германии, изменниками. Но мне удалось спрыгнуть с поезда на станции Богданово, откуда домой шла пешком. Брат вернулся домой на две недели раньше. По возвращению год скрывалась, так как должна была находиться в Сибири на работах в шахтах.

■ Волонтер: Розум Антонина Михайловна, Платонова Валентина Петровна ■

Д. ЗАВИНО, ГОРОДОКСКИЙ Р-Н, ВИТЕБСКАЯ ОБЛ.

Жили мы на оккупированной немцами территории в местечке Новка Суражского района. Нас у мамы было четверо детей. Отец был призван в Красную Армию в 1941 г. Наша семья помогала партизанам. Мама пекла хлеб, делала все, что могла по их просьбе. Я тоже ходила к партизанам и выполняла различные поручения.

В 1943 г. мы всей семьей ушли в лес. Немцы часто прочесывали леса с собаками и однажды нашли нас и увезли, как и партизан, в Витебск в тюрьму на сортировочный пункт и допросы. Потом подъехал грузовой фургон, нас погрузили, перевезли в тупик. Погрузили в товарный вагон и закрыли там. Так мы оказались в Польше в лагере Освенцим.

Кругом были вышки, обнесенные колючей проволокой под током. Была слышна музыка. Возле входа у ворот нас клеймили: мой номер 61 509. Потом нас погнали на обработку, всех постригли наголо, сняли одежду. Помню, стояли две бабьих с какой-то жидкостью. Сначала мы окунались в одну, потом в другую емкость. Затем нас загнали в помещения типа парилок. Там были все вместе: дети и родители. Нас просушили, выдали полосатые халаты, нашивки на грудь и на рукав, на ноги надели деревянные колодки.

Начались принудительные процедуры: нам делали уколы, брали кровь. На территории лагеря был крематорий, оттуда шел черный дым. Настал день сортировки. Детей стали отнимать от матерей. Я и сейчас вижу тот ужас. Мать осталась в Освенциме. Детей вывезли в филиал Освенцима – Лодзенской лагерь или Потулицы. Там снова нам делали уколы, брали кровь. Мы спали в бараках на матрацах, кормили ужасно плохо. Выполняли все работы, подчинялись – хотели ЖИТЬ.

■ Волонтер: Чубарева Ольга Павловна ■

ГУРСКАЯ ОЛЬГА КИРИЛЛОВНА

6.11.1925

Г. КРЫМ

24

В сентябре 1942 г. к нам пришли немцы. Я никогда не забуду тот день. Нас вывезли в Германию в город Хамм, где в течение полутора лет я работала на заводе. Наш цех изготавливал колючую проволоку для фашистов. Мы не досыпали, не доедали и жили в ужасных условиях. Только после открытия Второго фронта моя жизнь изменилась. В городе начались бомбежки и нас отправили на ферму в г. Верн работать у бауэра. 30 апреля 1945 г. наступил долгожданный день избавления, к нам пришли американские солдаты. Но только через пару дней нас забрали с этой фермы и перевезли в общаги. Там я прожила около двух месяцев. А после нас собрали и перевезли в Россию. Первым делом с нами говорили сотрудники НКВД. Они мне и еще нескольким девочкам поручили помогать собирать урожай в Восточной Пруссии, где мы проработали до июля 1945 г. А в декабре 1945 г. я оказалась уже дома, в Евпатории.

■ Волонтер: *Кручек Елена Васильевна* ■

САВУЛЬСКАЯ НИНА ГЕОРГИЕВНА

19.08.1926

Д. ПАВЛОВО, БРЕСТСКАЯ ОБЛ.

Не дай бог пережить такое. Забыть не могу, как сильно хотелось, чтобы кто-то обнял, погладил по голове и дал кусок хлеба...

Жителей деревни немцы согнали в поселок Ружаны, а потом поселили в уже опустевшей соседней еврейской деревне – по 2-4 семьи в доме. В 1943 году угнали на работу в Германию. Пару месяцев до этого провела в концлагере под Белостоком. Помню, как ехала в товарном вагоне, как обливали холодной водой из шланга с целью дезинфекции. Не забыла и переезд в другой лагерь – в Кенигсберге. Оттуда попала в имение гестаповца, искавшего работницу.

Дом был большой, двухэтажный. Вышла хозяйка, повела меня в комнату, где стояла только кровать. Потом позвала на кухню, дала кусочек хлеба с повидлом и несладкий кофе. Я же такая голодная была! Начала есть и расплакалась. Служанка-немка показала огород и свинарник с 50 свиньями, как могла, объяснила, что от меня требуется. На хозяйстве трудились еще 10 военнопленных, 8 из них жили в бункере под землей.

Их выводили только на работу. Такие страшные, больные, хромые... Мешочек комбикорма могли поднять только вдвоем. Хозяйка наливала им из ведра баланду. На собаку хозяева смотрели лучше, чем на нас. Я боялась с ними на дороге встречаться. Окопы нас гоняли рыть. А холод страшный стоял! Не было ни одежды, ни обуви. Пленные выдолбили мне колодки из дерева. Я ноги туда вставила и порезала их до крови.

Единственной радостью было наблюдать в небе за американскими самолетами. Когда они начинали бомбить, даже на душе легче становилось – так мы ждали свободы! Освобождение пришло с наступлением Красной Армии в 1945-м. Немецкие хозяева предложили бежать с ними. Услышав отказ, удивились: «Ты ведь любишь наших детей!»

– Моя мама тоже меня любила, – ответила я.

Дорога домой была долгой. До белорусско-польской границы довезли советские солдаты, а там предложили работу в столовой на заставе. Только 8 мая смогла отправиться в родную деревню. О победе услышала на вокзале в Волковыске. Сколько радости было! Чужие люди обнимались, целовались.

До Ружан (а это 50 километров от Волковыска) решила идти пешком. Через 12 километров догнала подвода, ехавшая в те же места. Высадили меня возле нашего дома. Люди начали сбегаться, кричали: «Нина из Германии вернулась!» И мама прибежала. Она сильно плакала... Отца уже не было в живых – немцы расстреляли его еще в 1943-м. Встретили меня младшие сестрички и братик. Я долго еще всего боялась. Мама ко мне подходила, а мне казалось, что это немка рядом стоит. Сидела и дрожала...

■ **Волонтер:** Глафира Летковская, Гринь Афанасий Афанасьевич, Иванова Людмила Васильевна ■

06.05.1928

Д.ПЫЛКОВИЧИ, МОГИЛЕВСКИЙ Р-Н.

10 июля 1941 г., вернулись домой после неудачной эвакуации. Увидели страшную картину: снарядом была разрушена половина родительского дома. Стены иссечены осколками, завалена входная дверь. Часть соломенной крыши снесена ударной волной. В доме были немцы. Они входили в помещение через окно по подставленной лестнице. Уцелевшую половину дома оккупанты заполнили взрывчаткой, патронами, минами.

В соседних хатах творилось тоже самое. Фашисты выгнали людей из домов в сараи. До самых заморозков жили там, пока не отремонтировали разрушенную часть хаты. Не было еды, соли, спичек. У отца от голода опухли ноги от голода и отсутствия соли. Весной 1942 г. на колхозных полях откапывали прошлогоднюю мерзлую картошку и пекли оладьи. Ели крапиву, лебеду, щавель. За малейшее неподчинение грозил расстрел или виселица. Повешенных долго не разрешали снимать с петель для устрашения живых. Появились предатели. Жителей выгоняли на принудительные работы, заставляли рыть траншеи, окопы.

Мне в начале войны было 13 лет. 2 декабря 1943 г. при очередной облаве фашистов спрятался в сарае, зарывшись в солому. Но начался обыск с собаками. Открыв дверь сарая, гитлеровец дал автоматную очередь. Пули прошли в нескольких сантиметрах от меня. Вбежавшая немецкая овчарка набросилась на меня, а немец кричал «партизанен!» Бил прикладом автомата по голове, пока не пошла из ушей кровь. Выволокли из сарая и бросили в кузов машины, где было около десятка незнакомых мне людей. Нас доставили в концлагерь на левом берегу Днепра в городе Могилеве.

В лагере было несколько барачков размером, примерно 10 x 5 метров. В каждом примерно 60 узников, всего примерно около тысячи человек. При 20-ти градусном морозе, без отопления и освещения люди лежали на нарах. В моем бараке от голода, холода, болезней каждые сутки умирало до четырех человек.

Фашисты издевались над узниками, морили голодом, избивали металлическими прутьями, выгоняли на работу по чистке льда и снега. Один раз в сутки давали пол-литра баланды. В марте-апреле 1944 г., когда сошел снег, питались жуками, червями, корнями растений, корой деревьев. У каждого были вши. Некоторые, не выдержав издевательств, погибали, добровольно бросаясь на ограждение, которое было под напряжением.

8 июня 1944 г. патриоты из д. Александрия устроили мне побег. Извозчик, обслуживавший лагерь, вывез меня в бочке из-под воды и спрятал в погреб. Меня переодели, накормили и ночью вывезли в лес. Домой пробирался пешком по ночам. Пройдя около 55 км, вернулся инвалидом в родительский дом. Было мне 16 лет.

■ Волонтер: Дроздович Алена Станиславовна ■

ФИЛИПЧИК АННА АКИМОВНА

24.07.1928

Д.КРАСНОВКА, СВЕТЛОГОРСКИЙ Р-Н, ГОМЕЛЬСКАЯ ОБЛ.

Фашисты заняли деревню через неделю после начала войны. Комендатура расположилась в школе. Во дворе поставили машину, на которой привезли мебель. Забрали всю живность, кур, молоко. Отец и старший брат пошли на фронт. Немцы заняли наш дом. Мы жили в сарае.

Немцы вначале не зверствовали. Более жестоко с населением обращались полицаи – три мужика. Гоняли на работу, бегали за молодежью с палками, запугивали, запрещали веселиться. В ноябре 1943 г. немцы сожгли наш дом вместе со всеми постройками и скотиной. Мы, пять человек семьи, остались без средств существования. Переселились в дом тетки.

Так жили до марта 1944 г. В марте немцы ворвались к нам рано утром. Переводчик приказал быстро одеться, с собой ничего не брать. Построили в колонну и погнали в Озаричи пешком. Промерзшие и голодные мы шли колонной. Я обратила внимание на сложенные между дровами тела людей, их готовили для сжигания. Когда мы дошли до лагеря, нам объявили, что огонь разводить нельзя, воды и хлеба нам не положено, нам надо сидеть тихо, единственной пищей был снег. Иногда питались подножным кормом.

Однажды ночью был страшный бой, через лагерь летели горящие снаряды. Мы, жутко напуганные, ждали утро. Когда все затихло, услышали радостный крик, и все побежали к ограде. За забором стоял наш солдат и просил нас не выходить из лагеря, потому что все было заминировано. Через некоторое время сообщили, что выходить можно, только идти по узкой тропинке след в след. Мы решили пойти. Нас встречали солдаты. Они привели нас в свои землянки, и мы остались у них ночевать.

Утром собрались в путь и вдруг стали рваться снаряды на дороге. Люди выходили из землянок, чтобы выяснить, в чем дело, а немцы в упор расстреливали их из пушек. Когда все утихло, мы пошли. На дороге стоял мальчик и трехлетняя девочка. Мальчик просил, чтобы мы забрали девочку с собой, поскольку она была больна и ее нужно было нести на руках, а мама погибла. Подошел солдат и забрал их двоих.

Так мы дошли до д. Рыловичи, где сразу поместили в один дом 50 человек. Все, кто входил, подали на пол и целовали его. Солдаты пережарили нашу одежду и повели на станцию для отправки в эшелонах, но наш состав был обстрелян немцами из самолетов. Оставшиеся в живых разбежались кто куда по снегу. Затем наши солдаты восстановили рельсы, погрузили оставшихся людей и отправили в Хойники. Мы очень боялись снова садиться в поезд, но добрались благополучно.

Все мы были больны тифом и нас сразу положили в госпиталь. Мама поправилась раньше и стала разыскивать по палатам нас. Моей младшей сестре было в то время десять лет. Брат умер в больнице. Врачи боялись говорить, обманывали ее, водили по палатам. Брата похоронили в братской могиле вместе с солдатами.

Из госпиталя нас отправили в деревню Дворище, где мы прожили 3 года в землянке, пока колхоз нам не построил домик, и мы вернулись в родную д.Красновку.

БЫКОВ ПЕТР ФЕДОРОВИЧ

6.06.1938

Д. ХОТОЛЯ, ВИТЕБСКИЙ Р-Н.

28

Когда немцы оккупировали деревушку, их частенько беспокоил партизанский отряд Данилы Райцева. В один из июльских дней 1943-го, народные мстители разгромили гарнизон гитлеровцев, подбили немецкий танк и уничтожили высокопоставленного гестаповца.

В отместку каратели сожгли три деревеньки – Хотолю, Мурашки и Подтево. Последнюю вместе с жителями. Обитателей двух других деревень, кто был связан с партизанами, отправили в концлагеря. Среди первых в списке на отправку за колючую проволоку была и наша семья. Не миновали суровых испытаний и семьи дядей. Все они – 14 человек – до окончания войны находились в Освенциме. В его крематории закончилась жизнь моих дедушки и бабушки.

Конвоиры двое суток по июльской жаре гнали заложников – стариков, детей, матерей, больных – в концентрационный лагерь «5-й Полк». Первые 20 километров пути толпа обреченных преодолела с трудом. Шли без воды и пищи, налегке. Иметь при себе какие-либо вещи не разрешалось.

У барачников лагеря мы увидели полуголых, полураздетых, худющих людей, в основном женщин и детей. Так лагерники пытались избавиться от вшей и блох. Днем при раздаче пищи получали на троих 3 литра баланды из неочищенной брюквы и гнилой картошки, по 2 кусочка полусырого с опилками хлеба на душу. На ужин – мутная водичка, называемая толи похлебкой, то ли чаем. Иногда в вонючей баланде попадались прожилки мяса павших лошадей.

В марте 1944 г. всех вывели из барака, пересчитали, построили в колонну и погнали в направлении райцентра Лиозно. Оказались мы в районе населенного пункта Крынки. В этом концлагере командование Вермахта держало нас как живой щит, как прикрытие, с целью притормозить наступление войск Красной Армии на данном направлении.

Что особенное осталось в моей детской памяти из скитания по лагерям смерти? Вот некоторые «картинки». В теплый весенний день сотни узников гитлеровцы согнали на лесную поляну. На глазах у всех здоровенный палач, восседая на лошади, плетью истязал обессиленную узницу, пытался растоптать ее лошадью.

До скончания своего века не забыть день, когда моя жизнь висела на волоске. Мама отошла от шалаша, предупредив меня, чтобы я никуда не отлучался. В это время у нашего укрытия появился надзиратель и приказал, чтобы все выходили наружу. Заглядывать в шалаш полицейский не стал – боялся заразиться тифом. Ударил прикладом по нашему шалашу и «хатка» развалилась. Полицейский ткнул штыком в развалины шалаша и попал в мою правую руку. Широкая отметина так и осталась не только на руке, но и моем сознании.

■ Волонтер: Ковалев Станислав Александрович ■

ИВАНЮТЕНКО МАРИЯ ИВАНОВНА С. ОБОЛОНЬ, ПОЛТАВСКАЯ ОБЛ.

В родное село немцы пришли не сразу, но когда вплотную подступила опасность, я с группой комсомольцев и солдатами, попыталась бежать. Через 100 км, почти у самого Киева, война нас нагнала. Пришлось ночами пробираться обратно. Пряталась дома месяц, потом все равно нашли, забрали. Из поезда, пока немцы ехали все вместе, в одном вагоне, тоже бежала, и снова с молодыми ребятами-комсомольцами. Однако и эта попытка оказалась неудачной. После фашисты уже не оставляли пленников одних, охраняли с автоматами.

В Германии жить и работать пришлось и в лагерях, и у хозяев, и на заводах. Переезды были частыми, только из лагеря в лагерь переводили трижды. Названия некоторых городков и мест, где приходилось жить, а точнее, существовать, не всегда и знали. Свободы передвижения не было никакой, даже тогда, когда пленников нанимали на частные работы. Унижения, оскорбления, полное отсутствие свободы – это и было самое тяжелое. А еще осталось в памяти навсегда – постоянное острое чувство голода. И в лагере, и у хозяев-немцев, которые часто просто приходили в лагерь и требовали для работ определенное количество бесплатных рабов. Правда, мне повезло – никогда не били, хотя другим, особенно ребятам, доставалось крепко.

Когда в апреле 1945 г. американцы освобождали узников, я была далеко от Берлина. Домой смогла вернуться только в декабре 1945-го. Отец, пришедший с войны на полгода раньше и уже работающий в райисполкоме, посоветовал пойти учиться на бухгалтера.

■ **Волонтер:** *Полеев Елизавета Давыдовна* ■

ВЫРВИНА ЕВГЕНИЯ МИХЕЕВНА

02.01.1940

Г. ВИТЕБСК

30

В январе 1944 нас с родителями угнали в Германию на принудительные работы. Попали в г. Заальфальд-Зале (Тюрингия) на фабрику стиральных машин, которая была переоборудована в военный завод. Кого можно было – гоняли на завод на работу. Точили снаряды и мины. Работали по 16–18 часов. Кормили нас баландой. Горбушка хлеба была самым недосыгаемым и желаемым лакомством. Мать от тяжелого непосильного труда умерла в возрасте 48 лет. Вся семья заболела тифом. Я чудом осталась жива. Освободили американцы.

В июне 1945 г. вернулись назад в Витебск. Дом и хозяйство было уничтожено. Мы уехали жить в деревню в 50 км от Витебска. Отец умер в 1950 г. С 10 лет я сирота. Жила у сестры, которая старше меня на 16 лет. В 1954 г. поступила в Витебский станкоинструментальный техникум, после его окончания была направлена на работу в Минск, на завод им. Кирова.

■ Волонтер: *Дроздович Алена Станиславовна* ■

ТИХОНОВИЧ РЕНЕТА МИХАЙЛОВНА Г. ОРША

Что такое голод, боль и страх узнала с детства, когда в четырехлетнем возрасте в 1944 г. вместе с матерью из города Орша угнали в Германию город Хемниц. В памяти остались нары в темном бараке, голод и холод, и ожидание мамы, которая работала на фабрике по 12 часов.

В воспоминаниях остался эпизод, когда по запаху еды пробралась на кухню, увидела большие вращающиеся котлы, но тут меня заметила и догнала немка и ударом черпака пробила голову. Жизнь спасла немецкая женщина-врач, подлечила и впоследствии даже хотела оставить у себя. Шрам остался на всю жизнь – память о немецких застенках.

После победы нас отправили на Родину в город Орша. Еще в памяти остался путь домой. Ехали поездом, есть было нечего и мама сказала, чтобы я спела песенку возвращавшимся домой солдатам. За свое исполнение я получила хлеб с сахаром, вкус которого помнится до сих пор. Потом потихоньку налаживалась послевоенная жизнь, училась, работала в системе торговли, вышла замуж. Я счастливая женщина, мне повезло выжить в лагерных застенках, создать хорошую семью.

■ **Волонтер:** *Иванова Людмила Васильевна* ■

СКАЧЕК АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

15.11.1938

Д. БОЛОЧА, ПУХОВИЧСКИЙ Р-Н, МИНСКАЯ ОБЛ.

32

Когда началась война, отец и мать ушли в партизаны. Зимой 1942 г. отца ранили и он умер. А мы, преследуемые немцами, начали искать защиту в партизанской бригаде «Пламя» под командованием Евгения Федоровича Филиппских. Бригада действовала в Пуховичском, Червенском и Осиповичском районах.

Мать была поваром и связной. Мы, трое детей, помогали ей, как могли: собирали ягоды, грибы, картошку старую, ловили зайцев. У нас была своя корова, на которой мы ездили вслед за передвижениями бригады. Весной 1943 г. немцы блокировали бригаду и нам надо было переходить речку вброд. Когда подошли к кладкам, немцы начали минометный обстрел. Я с братом и с мамой шли по кладке, а маленького нашего брата 1941 г.р. мама оставила на берегу в корзине, чтобы потом вернуться за ним.

Немцы разрушили кладку и мы начали плакать, что братик остался на том берегу. Когда немцы ушли, один партизан перенес корзину с братиком к нам. Последний раз нас блокировали в апреле 1944 г. у д. Дуковка, травили собаками. Потом повели неизвестно куда: одни говорили, что на расстрел, другие – на отправку в Германию. Загнали в лагерь за колючую проволоку в Марьиной Горке. Затем начали сортировать: кто подходил по возрасту – в Германию. А нас – все дальше и дальше. Местные жители нам хлеб давали, поскольку полиция уже боялась возмездия. Потом в лагерь ночью пришли разведчики и сказали, чтобы прятались, так как наши наступают и будут бомбить. Охрана бросила нас и все стали расходиться кто куда. Мы пошли в партизанскую зону в Болочанку, где встретили танки генерала Панова.

■ Волонтер: *Медведева Тамара Алексеевна* ■

Д. КРАСНОВКА, СВЕТЛОГОРСКИЙ Р-Н, ГОМЕЛЬСКАЯ ОБЛ.

В феврале 1944 г. подошла машина. В дом вошли немцы и меня, сестру Надю, двоюродных братьев потащили в машину. Мама схватила узел с домашними вещами и тоже оказалась в машине вместе с моей родной тетей Ксенией и ее мужем Тимофеем.

Сначала привезли в лагерь смерти возле д. Микуличи. Там было много народу, стонали и плакали дети. Через две недели погнали в другой лагерь смерти, Озаричи. По дороге наша соседка несла внука трех лет. Устала и посадила его на пенек. Подошел солдат с автоматом и толкнул бабушку – шнел, шел! Внук остался в лесу один на пеньке.

В Озаричском лагере больные тифом лежали на снегу и умирали. Костры разжигать запрещали. Сразу стреляли. Снег был мокрый и грязный. Подойти к проволоке, взять чистого снега – стреляли. Мы снимали снег с одежды и головы и утоляли жажду.

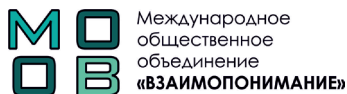
Нас мама берегла. Она сидела на узле с вещами, держала нас с сестрой на коленях, укрывала постилкой и давала поспать. Когда отекали ноги, просила: «Детки, попрыгайте». Так мама старалась нас согреть, а свои затекшие ноги растирала руками. Дядя Тимофей носил рюкзак за плечами и давал нам по сухарику в день. Мы его сосали, чтобы было подольше. Однажды подошла машина хлеба. Мерзлый хлеб бросали прямо в людей. Кто возьмет второй раз – стреляли.

Ночью был бой, снаряды летели над нашими головами. Утром подошел солдат к проволоке и сообщил, что лагерь освобожден, но выходить нельзя – заминировано. Люди не ждали... Очень много полегло от мин. Вот лежит девочка лет десяти с вырванным животиком. Немного дальше лежит женщина с оторванной ногой в валенке. На груди у нее маленький ребенок еще живой. Женщина истекает кровью. Слабым голосом просит: «Заберите дитя!»

Мама накрепко держала нас за руки. Разминировали очень узкую тропинку. Люди бежали от страшного места. Когда разминировали дорогу, пришли машины и забрали лежачих, больных. Наш дядя Тимофей нашел землянку с печкой, мы там обсушились, согрелись и пошли в Калинковичи. Там в здании школы нас зарегистрировали, покормили похлебкой соевой, дали кусочек горького хлеба и детям кусочек сахара. Мы даже не переночевали, объявили бомбежку. Школу разбомбили.

Хозяйка в дом не пустила, потому что мы были грязные и вшивые. Солдаты организовали баню в палатке, нас там пропарили, одежду прожарили. Хозяйка пустила нас в дом, и мы там жили, так как в нашей деревне еще были немцы.

Страшно голодали. Наша мама носила икону Спасителя за пазухой, шептала молитву и берегла нас. Спасибо маме, Богу и нашим солдатам за подаренную жизнь.

Образовательный проект для пожилых минчан. Инициатива, благодаря которой за два года более двух тысяч человек от 60 и старше получили новые знания, нашли друзей, а некоторые сами стали волонтерами.

Проект «Университет третьего возраста: новые шансы для социального включения», благодаря которому состоялись встречи с узниками, реализуется в Минске в рамках **международной программы «Место встречи: диалог»** фонда EVZ. Цель программы – в знак признания страданий лиц, преследовавшихся нацистским режимом, отдать должное их судьбам и внести вклад в улучшение положения этих людей в странах проведения проектов (Беларуси, Украине и Российской Федерации).

ОО «Белорусская ассоциация социальных работников» реализует проекты как для поддержки профессиональных групп работников социальной сферы, так и для защиты социально-незащищенных групп населения. Исполнитель проекта «Университет третьего возраста: новые шансы для социального включения».

Фонд EVZ поддерживает образовательные проекты и проекты по проведению встреч, посвященные спорным или не получающим должного внимания историческим аспектам. Оказывает финансовую поддержку проекта «Университет третьего возраста: новые шансы для социального включения».

МОО «Взаимопонимание» осуществляет благотворительную деятельность в интересах граждан, пострадавших от нацистских преследований в годы Второй мировой войны, иных пожилых лиц и других нуждающихся в социальной поддержке групп населения. Оказывает поддержку в реализации проекта «Университет третьего возраста: новые шансы для социального включения».

Компания JTI, член группы компаний Japan Tobacco Inc., является ведущим мировым производителем табачной продукции. В рамках корпоративной социальной ответственности JTI ведет активную деятельность по инвестициям в общество, направленную на сохранение исторического наследия, поддержку культуры и искусства, развитие белорусско-японских культурных связей и реализацию проектов по социальной инклюзивности. Партнер проекта «Университет третьего возраста: новые шансы для социального включения».

Партнеры проекта: Комитет по труду, занятости и социальной защите Минского городского исполнительного комитета, ГУ «ТЦСОН Первомайского и Советского района г. Минска», Государственный институт управления и социальных технологий БГУ.

ОО «Белорусская ассоциация социальных работников»
Проект «Университет третьего возраста: новые шансы для
социального включения»

г. Минск, 2015.